

Алекс Краас

ПРОВОДНИЦА СВЕТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Aleks Kraas

Проводница Света

<https://litres.ru/74417459>

SelfPub; 2026

Аннотация

Служебное купе не было предназначено для любовных утех, но Светлана умела использовать пространство. Они едва уместились на узкой койке, прижавшись друг к другу. Арсений был горячим, трепетным, и она чувствовала, как колотится его сердце — быстро-быстро, словно у пойманной птицы. Его ладони исследовали её тело с той жадностью, которая бывает только у очень юных и очень голодных. Светлана направляла его — мягко, без приказов, только шёпотом и лёгкими прикосновениями.

Aleks Kraas

Проводница Света

Глава 1. Рейс особого назначения

Светлана поправила форменный китель, одёрнула юбку и оглядела себя в крошечное зеркальце, приклеенное к стене служебного купе. Оттуда на неё смотрела женщина, которой язык не поворачивался дать её настоящие сорок восемь. Фигура — всё ещё ладная, грудь высокая, бёдра крутые, а в карих глазах — тот самый опасный блеск, от которого молоденькие пассажиры спотыкались о собственные чемоданы.

— Светочка, ты как пряник с витрины, — подмигнула она своему отражению и чмокнула губами, поправляя алую помаду. — Рейс Москва–Волгоград, восемнадцать часов пути, вагон СВ. Скучно не будет.

Она обожала свою работу. Не за зарплату, конечно — зарплата у проводников была такая, что впору плакать в жилетку начальнику поезда. И не за романтику железных дорог, хотя в этом что-то было: перестук колёс, мелькающие за окном леса и поля, запах креозота и горячего чая. Она любила пассажиров. Вернее, определённую их категорию. Молодых, от восемнадцати до двадцати пяти, симпатичных, с искрой в глазах и глупым вопросом на губах: «А можно ещё стаканчик чаю, пожалуйста?» Можно, мальчик. Всё можно.

Перрон Казанского вокзала гудел, как улей. Светлана сто-

яла у своего вагона — четвёртого, с гордой табличкой «СВ», — и проверяла билеты. Пассажиры текли мимо неё: солидные дядечки с портфелями, дамы в возрасте с болонками, пара командировочных с унылыми лицами. Скукота. Светлана уже собиралась огорчиться, когда увидела его.

Мальчик. Нет — юноша. Лет двадцати двух, не больше. Высокий, чуть сутулый, с копной тёмных кудрей, которые торчали во все стороны, словно он только что продрал глаза. Одет небрежно, но со вкусом: потёртые джинсы, льняная рубаша нараспашку, на плече — потрёпанный этюдник. Художник, определила Светлана с первого взгляда. Они все такие: витают в облаках, забывают билеты, путают вагоны. Этот, кажется, ещё и близорукий — он щурился на номер вагона, близоруко моргая длиннющими, совершенно девичьими ресницами.

— Молодой человек! — окликнула она. — Четвёртый СВ, вы не ошиблись. Билетик покажите.

Юноша вздрогнул, словно его застали за кражей яблок, и торопливо зашарил по карманам.

— Сейчас... одну секунду... — бормотал он, выворачивая то один карман, то другой. — Я точно помню, что положил его... вот, кажется... нет, это чек из булочной...

Светлана вздохнула с материнской укоризной.

— В левом нагрудном, — подсказала она. — И паспорт рядом.

Юноша хлопнул себя по груди, просиял и извлёк на свет

помятый билет.

— Спасибо! — он улыбнулся, и улыбка у него оказалась чудесная: открытая, с лёгкой застенчивостью. — Я Арсений. Еду на этюды под Волгоград. Там, говорят, свет необыкновенный.

— Свет там замечательный, — согласилась Светлана, мельком глянув на билет. — Купе номер шесть, нижняя полка. Проходите, Арсений. Чай через полчаса после отправления.

Он подхватил этюдник, всё ещё улыбаясь, и нырнул в вагон. Светлана проводила его взглядом и мысленно облизнулась. Мальчик был хорош: длинные ноги, узкие бёдра, тонкая талия, а эти ресницы — ими можно было пыль сметать. И главное — взгляд. Тот самый, растерянный и одновременно любопытный, который она так ценила в молодых. Он смотрел на неё не как на проводницу, а как на женщину. Интересно, он сам это понимает?

Поезд тронулся точно по расписанию. За окном поплыли московские окраины: серые панельки, гаражи, потом — лесополоса, поля, первые дачные посёлки. Светлана разнесла чай — в купе номер шесть, где обосновался Арсений, она налила ему покрепче и положила на блюдце лишний кусочек сахара. Он поблагодарил, залился румянцем и уткнулся в альбом, который уже успел раскрыть на коленях.

— Рисуете? — спросила Светлана, задержавшись в дверях купе.

— Пытаюсь, — он виновато пожал плечами. — Но свет всё время меняется, не ухватить.

— А вы людей рисуете? Портреты?

— Редко. Но... — он поднял на неё глаза и вдруг осмелел: — Вас бы я нарисовал. У вас очень... фактурное лицо.

— Фактурное? — Светлана расхохоталась. — Это вы меня сейчас старухой назвали, что ли?

— Нет-нет, что вы! — он покраснел до корней волос, и это было так трогательно, что у Светланы защемило в груди. — Я имел в виду — выразительное. Черты, линии... вот скулы, изгиб губ... Простите, я, наверное, бестактность сказал.

— Никакой бестактности, — она чуть наклонилась, поправляя подстаканник на его столике, так, чтобы он мог лучше рассмотреть декольте под расстёгнутой верхней пуговицей кителя. — Художник должен быть дерзким. Иначе ничего не нарисует. Если надумаете — заходите в моё купе, чайку попью.

Она выплыла из купе, оставив Арсения в состоянии лёгкого ступора. Краем глаза она заметила, как он машинально провёл карандашом по бумаге — кажется, начал набрасывать её профиль. Что ж, крючок заброшен.

День пролетел в рутине. Светлана разносила бельё, грела воду, отвечала на бесконечные вопросы пассажиров («А когда Рязань?», «А розетка работает?», «А почему так трясёт?»). К вечеру поезд углубился в среднюю полосу, за окнами сгустились сумерки. Пассажиры постепенно утомони-

лись: кто-то читал, кто-то дремал, кто-то ушёл в вагон-ресторан. Арсений из своего купе так и не выходил — видно, рисовал.

Светлана тоже устроилась в своём служебном купе — крошечной каморке в конце вагона, где едва помещалась койка, столик и шкафчик с инвентарём. Здесь пахло чаем, дезинфекцией и её духами — «Красная Москва», старая классика, которую она не променяла бы ни на что. Она переоделась в более свободное: сняла китель, оставшись в лёгкой блузке и юбке, распустила волосы, упавшие на плечи каштановой волной. Посмотрела на часы: половина двенадцатого. По опыту она знала: самое время для ночных гостей.

И точно. В дверь тихо постучали.

— Открыто, — пропела она, не вставая с койки.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась кудрявая голова Арсения. Вид у него был решительный и испуганный одновременно — как у человека, который прыгает в холодную воду и ещё не знает, замёрзнет или нет.

— Простите... — начал он шёпотом. — Я... мне... можно ещё чаю? Я не помешал?

— Чаю? — Светлана приподняла бровь. — В половине двенадцатого ночи? Вы, художники, странный народ. Ну заходите, раз уж пришли.

Он протиснулся внутрь — в каморке сразу стало тесно, его плечи чуть не задевали стены. От него пахло акварельными красками и каким-то простым мылом — наверное, умы-

вался перед визитом. Закрыв дверь, он замер, не зная, куда деть руки.

— Садитесь, — Светлана кивнула на край койки. — Чаю сейчас согрею. Или, может, чего покрепче? У меня есть настойка на рябине, домашняя.

— Н-наверное, чаю, — пробормотал Арсений, присаживаясь так осторожно, словно койка могла под ним провалиться.

Светлана налила ему чай из термоса, себе плеснула рябиновой настойки в крышечку. Они чокнулись — она крышечкой, он стаканом. Поезд качнуло на стыке, Арсений плеснул чаем на брюки, и оба рассмеялись.

— Рассказывайте, — велела Светлана, закидывая ногу на ногу. — Что вы там рисовали весь день? Меня?

— Вообще-то да, — признался он и, порывшись в этюднике, извлёк лист. — Вот, только это набросок... незаконченный...

Она взяла рисунок и присвистнула. Талант. Настоящий. Несколько штрихов — и она была как живая: гордая посадка головы, лукавый прищур, эта самая «фактурность», о которой он говорил. Только на рисунке она выглядела моложе, красивее и... желаннее, что ли. Так рисуют женщин, в которых влюблены.

— Арсений, — сказала она серьёзно, — а вы, часом, не влюбились в свою проводницу?

Он вспыхнул. Закашлялся. Отставил стакан с чаем.

— Я... то есть... — он замялся, а потом вдруг выпалил, как в омут головой: — Вы невероятная женщина. Я весь день не мог думать ни о чём, кроме вас. Простите, если это звучит глупо.

— Не глупо, — Светлана отложила рисунок и посмотрела на него в упор. — Мальчики вроде вас обычно думают, что женщины в моём возрасте уже никого не интересуют. А вы, значит, другой?

— Я не знаю, что обычно думают мальчики, — он набрался смелости и посмотрел ей прямо в глаза. — Но я знаю, что вы красивее всех девчонок с моего курса вместе взятых.

Светлана расхохоталась, но внутри у неё разлилось приятное тепло. Он был искренен. До чёртиков искренен, и это подкупало.

— Ну, раз так, — она поставила крышечку на столик и подалась вперёд, — может, хватит чаи гонять? Вы же не за чаем пришли, Арсений. Или я ошибаюсь?

Он не ответил. Вместо этого он наклонился и поцеловал её — робко, неумело, чуть не промахнувшись. Светлана усмехнулась в поцелуй и взяла инициативу в свои руки. Её ладони легли на его плечи, притянули ближе, и дальше уже не было места смущению.

Они целовались под перестук колёс, и поезд словно задавал ритм: тук-тук, тук-тук. Арсений оказался способным учеником: его руки, сначала неловкие, быстро осмелели, заскользили по её блузке, расстегнули пуговицу, другую. Свет-

лана помогла ему, стянула блузку через голову, потом юбку. Он смотрел на неё, как на произведение искусства — с восторгом и благоговением.

— Боже мой, — выдохнул он. — Вы...

— Света, — поправила она. — Просто Света. И давай без «вы», а то я чувствую себя учительницей.

— Света... — повторил он, и это прозвучало как молитва.

Служебное купе не было предназначено для любовных утех, но Светлана умела использовать пространство. Они едва уместились на узкой койке, прижавшись друг к другу. Арсений был горячим, трепетным, и она чувствовала, как колотится его сердце — быстро-быстро, словно у пойманной птицы. Его ладони исследовали её тело с той жадностью, которая бывает только у очень юных и очень голодных. Светлана направляла его — мягко, без приказов, только шёпотом и лёгкими прикосновениями.

— Вот сюда... да, так... — она прикрыла глаза, отдаваясь ощущениям. — Не торопись. Поезд только до Рязани доехал, у нас ещё вся ночь впереди.

Но он не мог не торопиться. Его желание было слишком сильным, и Светлана, смеясь, сдалась. Она оседлала его, прижала к матрасу и взяла инициативу в свои руки. В тесной камерке их движения были рваными, страстными, и каждый толчок сопровождался стуком колёс. Арсений стонал, зажимая себе рот ладонью, и этот жест — такой мальчишеский, такой трогательный — заставил Светлану улыбнуться.

— Не бойся, — шепнула она. — Кроме нас, никого. Кричи, если хочешь.

Но он не кричал — только дышал часто-часто, как после стометровки. Светлана чувствовала его напряжение, его дрожь, его восторг. Она сама была близка к разрядке, когда вдруг — в самый неподходящий момент — вагонное радио ожило.

— *Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибывает на станцию Рязань-1. Стоянка пять минут. Просьба курящих...*

Голос диктора, бодрый и казённый, ворвался в их уединение, как третий лишний. Светлана прыснула. Арсений, который был на самом пике, дёрнулся и замер.

— Рязань, — сказала Светлана замогильным голосом и вдруг расхохоталась. — Мы как раз проезжаем Рязань!

Арсений, всё ещё тяжело дыша, непонимающе уставился на неё, а потом тоже засмеялся — нервно, с облегчением.

— Я думал, это конец света, — признался он.

— Конец света в Рязани? — Светлана смахнула выступившую слезу смеха. — Ну нет, мой милый. Рязань — это только начало. Давай-ка наверстаем.

И они наверстаки — уже не так лихорадочно, а со вкусом, с расстановкой. И когда поезд тронулся от Рязани, набирая ход, Светлана наконец позволила себе расслабиться. Оргазм накрыл её тёплой волной — не взрывной, а обволакивающей, уютной, как старое одеяло. Арсений кончил следом, уткнув-

шись лицом в её плечо и что-то неразборчиво бормоча.

Потом они лежали, сплетённые, как два куска сахарной ваты, и молчали. За окном проплывали огни ночной Рязани — жёлтые квадраты окон, фонари, редкие машины. Поезд стучал колёсами размеренно, как метроном.

— Света, — позвал Арсений, когда дыхание выровнялось.

— М-м?

— А это... всегда так? Ну, у вас?

— Что «так»?

— Так весело.

Светлана задумалась. А действительно — с ним было весело. Не просто жарко, не просто приятно, а легко, словно они знали друг друга сто лет. Обычно после таких приключений ей хотелось, чтобы парень поскорее ушёл к себе и не мешал спать. Но Арсения выпроваживать не хотелось.

— Нет, — честно ответила она. — Не всегда. Ты особенный.

Он улыбнулся в темноте, и она услышала эту улыбку по его дыханию.

— Можно я ещё посижу? — спросил он робко. — Или... полежу?

— Лежи, — разрешила она и натянула на них обоих казённое одеяло. — Только до утра не храпи. У меня завтра отчётность.

— Не буду, — пообещал он и через минуту действительно засопел ровно и тихо.

Светлана лежала, глядя в потолок, и слушала, как стучат колёса. «Рязань», — повторила она про себя и улыбнулась. Надо же: столько лет в этих поездках, а Рязань отныне будет ассоциироваться не с вокзальными пирожками, а с этим милым мальчиком, его этюдником и его улыбкой.

Завтра он сойдёт где-то под Волгоградом, и она, скорее всего, никогда его больше не увидит. Ну и пусть. Зато рейс удался. Особого назначения рейс. Со своим, особенным пассажиром.

Она поцеловала его в макушку и закрыла глаза. До Волгограда было ещё много часов, и кто знает, что принесёт завтрашний день? Может, ещё одного художника. Или музыканта. Или спортсмена. В поездках всякое бывает. На то они и поезда.

Глава 2. Студент-практикант

До Волгограда доехали без приключений. Арсений сошёл на маленькой станции за час до конечной, сжимая в руке этюдник и на прощание поцеловав Светлану в щёку — робко, по-детски, но с такой благодарностью во взгляде, что она даже растрогалась.

— Вы... ты... самая потрясающая женщина, которую я встречал, — сказал он, запинаясь. — Я, наверное, никогда тебя не забуду.

— И не надо, — Светлана потрепала его по кудрям. — Рисуй свои этюды, художник. И не забывай пить чай.

Он помахал ей с платформы, и она махала в ответ, по-

ка поезд не тронулся. Потом вздохнула, поправила китель и вернулась к своим обязанностям. Ещё один рейс, ещё одно приключение. Жизнь проводницы — как поезд: никогда не знаешь, кто сядет на следующей станции.

В Волгограде у неё было два дня отдыха. Она провела их с пользой: отоспалась, сходила в парикмахерскую, обновила помаду и навестила сына. Тот, как всегда, встретил её ворчанием: «Мам, когда ты уже остепенишься?», на что Светлана ответила: «Никогда, мой милый, никогда». Потом был новый рейс, и она заступила на смену в приподнятом настроении.

Перед отправлением её вызвал к себе начальник поезда — грузный, усатый дядька по фамилии Трофимов, которого Светлана за глаза называла Усатый Нянь. Он сидел в своём купе, как всегда, с чашкой чая и папкой графиков.

— Светлана Викторовна, — начал он, и по его тону она сразу поняла: сейчас будет что-то, что ей не понравится. — У меня для вас новость. К вам в вагон прикрепляют практиканта.

— Кого? — Светлана приподняла бровь. — Трофимов, вы же знаете, я работаю одна. Мне помощники не нужны.

— Нужны, не нужны — это не нам решать, — он развёл руками. — Приказ из депо. Новые стандарты обучения. Парень молодой, девятнадцать лет, училище заканчивает. Должен пройти практику в рейсе. И вы — лучший наставник, Светлана Викторовна. Кому, как не вам, учить молодёжь уму-разуму?

— Уму-разуму, значит, — усмехнулась Светлана. — Ну-ну. И где этот вундеркинд?

— Кирилл! — крикнул Трофимов в коридор. — Зайди!

Дверь открылась, и в купе вошёл парень. Светлана окинула его быстрым профессиональным взглядом и мысленно поставила галочки. Высокий — плюс. Плечи широкие — плюс. Лицо смазливое, даже слишком: светлые волосы уложены волосок к волоску, голубые глаза смотрят с ленивой наглостью, на губах — усмешечка. Одет с иголки в новенькую форму, которая на нём сидела как влитая. И по этой форме, и по тому, как он стоял — руки в карманах, подбородок задран, — Светлана мгновенно определила породу: мажор. Самоуверенный, нахальный, привыкший, что девушки вешаются на него гроздьями.

— Здравсьте, — бросил он небрежно, даже не соизволив вынуть руки из карманов. — Вы, значит, Светлана? Меня Кирилл зовут. Можно просто Кир.

— Можно просто «Светлана Викторовна», — отрезала она ледяным тоном. — Руки из карманов выньте, когда разговариваете со старшими.

Кирилл удивлённо моргнул, но руки вынул. Трофимов кашлянул в усы, пряча улыбку.

— Вот и познакомились. Кирилл, Светлана Викторовна — лучший проводник на этом направлении. Будешь её слушаться, многому научишься.

— Не сомневаюсь, — протянул Кирилл, и в его голо-

се прозвучала двусмысленность, которую Светлана уловила мгновенно.

— Идите в вагон, — велела она. — Ждите меня у четвёртого СВ. И поправьте галстук — он у вас съехал набок.

Кирилл дёрнул галстук, усмехнулся и вышел. Когда дверь закрылась, Светлана повернулась к Трофимову.

— Вы серьёзно? — спросила она. — Этот павлин будет у меня практиковаться?

— Приказ, Светлана Викторовна, — развёл руками начальник. — Его папаша — какая-то шишка в управлении. Не подкопаешься.

— Шишка, значит, — она поджала губы. — Ну, я ему устрою практику. Будет мне полы драить до блеска.

Трофимов хмыкнул и вернулся к чаю, а Светлана отправилась к своему вагону.

Первый час рейса показал, что Кирилл был именно таким, каким она его себе представила. Он ничего не умел. Чашки ронял, бельё складывал кое-как, пассажирам хамил, а когда она попыталась показать ему, как правильно заваривать чай в титане, он закатил глаза и заявил:

— Да я умею, честное слово. Что там сложного?

— Сложного ничего, — согласилась Светлана. — Но раз вы такой умелый, Кирилл, — сами займётесь чаем для всего вагона. Вперёд.

Она скрестила руки на груди и наблюдала, как он обжигается, проливает кипяток, путает подстаканники и в итоге

выдаёт пассажирам четвёртого купе чай с такой концентрацией заварки, что его можно было есть ложкой. Пассажирка, пожилая дама с болонкой, возмутилась, и Светлане пришлось лично извиняться и переделывать.

— Позорище, — сказала она Кириллу, когда они отошли в служебное купе. — Вы хоть что-нибудь умеете?

Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на неё всё с той же нахальной усмешкой.

— Я много чего умею, Светлана Викторовна. Просто поезда — это не моё.

— А что ваше? — она прищурилась.

— Ну... — он окинул её оценивающим взглядом, задержавшись на бёдрах, — девушкам нравлюсь, например.

Светлана расхохоталась.

— Девушкам, значит? И многим уже понравились?

— Достаточному количеству, — он пожал плечами. — Я вообще-то думал, что практика будет скучной, но вы... — он снова прошёлся взглядом по её фигуре, — вы ничего. Вполне себе. Для своих лет.

Вот тут Светлана перестала смеяться. «Для своих лет». Значит, так? Ну, держись, практикант. Ты сам напросился.

— Ладно, — сказала она сладким голосом. — Умеете вы немного, но это дело поправимое. Будете учиться. А пока — вот вам тряпка, вот ведро. Пойдёте в душевую для персонала и вымоете её до блеска. Чтобы ни одной капли мыла на стенах. Поняли?

— Чего? — он опешил. — Душ мыть? Это не входит в мои обязанности!

— Входит. Я ваш наставник, я решаю, что входит, а что нет. Выполняйте.

Он хотел возразить, но что-то в её тоне не оставило места для спора. Кирилл подхватил ведро с тряпкой и удалился, бубня под нос. Светлана усмехнулась. Урок первый: смирение.

Прошло два часа. Поезд сделал короткую остановку на каком-то полустанке — не по расписанию, а чтобы пропустить встречный состав. По внутренней связи объявили: «Стоянка двадцать минут, просьба не выходить из вагонов». Светлана решила проверить, как там её практикант справляется с заданием.

Душевая для персонала находилась в конце вагона — крошечное помещение с кафельными стенами, поддоном и лавкой. Когда Светлана открыла дверь, она застала Кирилла в самом разгаре уборки: он стоял на лавке, пытаясь дотянуться до верхнего угла, где темнело какое-то пятно. Форменная рубашка у него выбилась из брюк, рукава были закатаны, на лбу блестел пот. Он пыхтел и тихо ругался сквозь зубы.

— Ну как успехи? — поинтересовалась Светлана, прислоняясь к дверному косяку.

— Отлично, — буркнул он, не оборачиваясь. — Почти всё. Только вот это пятно... что это вообще такое?

— Это пятно, Кирилл, было здесь ещё до того, как вы ро-

дились. Оставьте его в покое и слезайте.

Он спрыгнул с лавки и повернулся к ней. Вид у него был уже не такой лощёный, как при встрече: волосы растрепались, на щеке — грязное пятно, рубашка мокрая. И, надо признать, в таком виде он нравился Светлане гораздо больше.

— Всё? — спросил он с вызовом. — Я свободен?

— Почти, — она шагнула внутрь и закрыла за собой дверь. В душевой сразу стало тесно. — Есть ещё один урок. Главный.

Он насторожился. В его глазах мелькнула тень беспокойства, смешанного с любопытством. Светлана подошла ближе — так близко, что почувствовала запах его пота, смешанный с запахом дешёвого мыла и форменной ткани.

— Ты весь рейс смотришь на меня, как кот на сметану, — сказала она, переходя на «ты» и понижая голос. — Думаешь, я не замечаю? Думаешь, твои «для своих лет» и «вполне себе» — это комплименты?

— Я не хотел... — начал он, но Светлана приложила палец к его губам.

— Молчи. Ты хотел задеть меня. Показать, что ты тут главный. Но главный здесь не ты. И сейчас ты это поймёшь.

Она толкнула его — не сильно, но достаточно, чтобы он сделал шаг назад и упёрся спиной в кафельную стену. Глаза у него расширились. Светлана стояла перед ним, уперев руки в бока, и улыбалась той самой улыбкой, от которой у молодых

пассажиров подкашивались колени.

— Сними рубашку, — скомандовала она.

— Что?

— Рубашку сними. Она мокрая. Простудишься.

Кирилл медленно, словно во сне, расстегнул пуговицы и стянул рубашку. Торс у него оказался под стать остальному: широкие плечи, рельефная грудь, плоский живот. Видно, что в спортзал ходит. Светлана одобрительно хмыкнула.

— Неплохо, — признала она. — Но мышцы — это ещё не всё. Важно, что у тебя в голове. И в штанах. А с этим, кажется, проблемы. Слишком много гонора.

— У меня нет проблем, — выдавил он. Голос у него сел на полтона ниже.

— Сейчас проверим.

Она приблизилась вплотную. Её ладонь легла ему на грудь, нащупала сосок и медленно, с нажимом провела по нему ногтем. Кирилл шумно выдохнул. Его тело напряглось, но он не пытался перехватить инициативу — то ли от неожиданности, то ли от того, что Светлана каким-то образом полностью парализовала его волю.

— Ты привык, что девочки сами падают к твоим ногам, — говорила она, продолжая водить пальцами по его груди, спускаясь ниже, к животу. — Ты думаешь, что ты неотразим. Что весь мир тебе должен. Но я тебе не девочка, Кирилл. Я женщина, которая видела таких, как ты, десятками. И знаешь, что я скажу?

— Что? — прошептал он.

— Что гонор — это скучно. А вот умение слушать и учиться — это интересно. Давай-ка посмотрим, насколько ты способный ученик.

Она расстегнула его ремень — резко, одним движением. Брюки упали на пол душевой. Следом полетели боксёры. Кирилл остался стоять перед ней совершенно голый, прижатый к стене, с выражением лица, в котором смешались шок, возбуждение и что-то ещё — что-то похожее на восторг.

— Руки по швам, — скомандовала Светлана. — Не двигаться. Понял?

— Понял, — выдохнул он.

Она медленно опустилась перед ним на корточки — прямо на кафельный пол душевой, не заботясь о форме. Её пальцы сомкнулись на его плоти, которая уже была в полной боевой готовности. Кирилл застонал и дёрнулся, но Светлана укоризненно покачала головой:

— Я сказала: не двигаться. Дисциплина — основа профессии.

— Вы... ты... издеваешься? — простонал он.

— Учю.

Она взяла его в рот. Медленно, глубоко, с тем самым мастерством, которое приходит только с опытом и которое ни один институт не даст. Кирилл вцепился руками в стену, сдерживаясь из последних сил. Его дыхание стало рваным, на лбу выступила испарина.

— Светлана Викторовна... — выдохнул он, и в его голосе не было больше ни капли нахальства. Только мольба и возторг. — Я... я сейчас...

Она отстранилась и поднялась на ноги. Посмотрела на него — раскрасневшегося, тяжело дышащего, с глазами, полными желания, — и улыбнулась.

— Уже лучше. Хоть по имени-отчеству назвал. Прогресс.

— Пожалуйста... — прошептал он.

— Что «пожалуйста»?

— Можно я... можно вы...

— Можно всё, — передразнила она его собственный тон.

— Но только с моего разрешения. Понял?

— Да, — он часто закивал. — Да, Светлана Викторовна.

Она скинула юбку, оставшись в одной блузке, которая едва прикрывала бёдра, и шагнула к нему. Прижалась всем телом, чувствуя его напряжение. Её губы оказались у самого его уха.

— А теперь покажи, чему ты научился за сегодня. И помни: я твой наставник. Ты делаешь то, что я скажу. Медленно. Не спеша. Как следует.

Он повиновался. Его руки, только что беспомощно висевшие по швам, теперь легли на её бёдра — осторожно, почти робко. Пальцы скользнули под блузку, нашли грудь. Светлана одобритительно вздохнула.

— Вот так. Уже лучше.

Он приподнял её, усадил на край лавки, и она обхватила

его бёдра ногами. Когда он вошёл в неё, то застонал — громко, не сдерживаясь, как стонал бы в своей постели. Светлана прижала палец к его губам.

— Тише, практикант. Мы на стоянке. Весь поезд услышит.

— Плевать на поезд, — выдохнул он, начиная двигаться. Ритм он задал сам — быстрый, сильный, жадный. Но теперь это была не та наглая жадность, с которой он смотрел на неё утром. Это была жадность благодарности. Он старался — она чувствовала это в каждом толчке, в каждом прикосновении его пальцев, в том, как он ловил её дыхание. Он действительно учился.

— Хорошо, — шептала она, откидываясь на стену. — Очень хорошо. Давай, практикант. Покажи, на что способен.

И он показывал. Так, что через несколько минут Светлана уже не могла сдерживать стоны. Оргазм пришёл резко — взрывной, жаркий, выбивающий из лёгких воздух. Она вцепилась в его плечи и закричала — теперь уже не думая ни о пассажирах, ни о стоянке. И он кончил следом, содрогаясь всем телом, и она чувствовала, как его жар разливается внутри.

Несколько секунд они стояли, прижавшись друг к другу, и тяжело дышали. В душевой пахло мылом и сексом. Где-то далеко гуднул тепловоз — встречный состав проследовал мимо. Их стоянка подходила к концу.

Кирилл первым нарушил молчание:

— Светлана Викторовна... я... я, кажется, должен извиниться.

— За что? — она устало улыбнулась.

— За то, что вёл себя как придурок. За «для своих лет». За всё.

— Извинения приняты, — она потрепала его по мокрым волосам. — Но учти: полы в вагоне всё равно твои. И чай — тоже твой. До конца практики.

— Я вымою хоть весь поезд, — сказал он с такой искренностью, что Светлана рассмеялась.

— Вот это деловой подход. А теперь — одевайся. Скоро отправление, а у тебя ещё бельё не разнесено по третьему и пятому купе.

Они кое-как привели себя в порядок. Светлана поправила юбку и блузку, Кирилл натянул влажную рубашку и брюки. Прежде чем выйти из душевой, он вдруг остановился и посмотрел на неё — уже без усмешки, серьёзно.

— Светлана Викторовна, а можно вопрос?

— Валяй.

— Это... ну, то, что было... это часть практики?

Она прищурилась, раздумывая.

— Считай, что это был дополнительный урок, — сказала она наконец. — Факультатив. Усвоил?

— На пятёрку, — он улыбнулся, и эта улыбка была уже не нахальной, а почти родной.

Они вышли из душевой. Поезд тронулся, набирая ход.

Впереди был долгий рейс до Москвы, полный чая, белья и пассажиров. Но Светлана знала: с этим практикантом скучно не будет.

Вечером, когда она сидела в своём купе и заполняла путевой лист, в дверь постучали. На пороге стоял Кирилл с подносом, на котором дымился стакан чая.

— Чай, Светлана Викторовна, — доложил он. — Заварил строго по инструкции: три ложки заварки, две минуты настаивать. Принимайте.

Она взяла стакан, попробовала. Чай был отличный.

— Молодец, практикант, — похвалила она. — Можешь, когда хочешь.

— Я много чего могу, — ответил он, и в его глазах мелькнул знакомый огонёк. — Особенно когда есть стимул.

— Стимул? — она приподняла бровь.

— Ну да. Выставление оценок в конце практики. Устный экзамен, так сказать.

Светлана расхохоталась и запустила в него сухариком. Кирилл поймал его на лету и сунул в рот. Определённо, с этим практикантом скучно не будет. Определённо.

Глава 3. Попутчик с гитарой

Кирилл отбыл. Практика у него закончилась, и Светлана, поставив в ведомости твёрдую «пятёрку» (и за чай, и за полы, и за «факультатив»), проводила его на перрон с чувством выполненного долга. Парень уезжал домой, в Москву, и на

прощание даже чмокнул её в щёку — теперь уже не нахально, а почти по-сыновьи.

— Если что, я ещё вернусь, — сказал он, подмигнув.

— Возвращайся, — усмехнулась Светлана. — К тому времени я, может, ещё один факультатив придумаю.

Она помахала ему вслед и вернулась в свой вагон. Новый рейс, новые пассажиры. Жизнь проводницы — как калейдоскоп: каждый раз складывается новый узор.

На этот раз вагон СВ был загружен под завязку. Командировочные, семьи с детьми, какая-то пара пенсионеров, которые тут же принялись обсуждать, что «в наше время проводники были вежливее». Светлана только хмыкнула: вежливость вежливостью, а чай у неё всё равно самый вкусный на всём направлении. Пусть только попробуют.

И тут она увидела его.

На перроне, у самого входа в вагон, стоял парень с гитарным чехлом за спиной. Лет двадцати четырёх, не больше. Высокий, худощавый, с русыми волосами до плеч, перехваченными кожаным шнурком. Одет небрежно, но стильно: потёртая джинсовая куртка, на груди — значок какого-то музыкального фестиваля, на шее — бусы из разноцветных деревянных бусин. На лице — лёгкая небритость, а в серых глазах — такая бездна обаяния и спокойной уверенности, что Светлана на мгновение забыла про свои обязанности.

— Добрый день! — он улыбнулся, и улыбка у него оказалась открытая, широкая, сразу располагающая. — Это чет-

вёртый СВ? А то я вечно путаю.

— Четвёртый, — подтвердила Светлана, беря себя в руки.
— Билет показывайте. И гитару в багажное отделение сдавать не будете?

— Ни за что, — он прижал чехол к груди, словно ребёнка.
— Она со мной ездит как пассажир. У неё даже билета нет.
Заяц, можно сказать.

— Зайцев у меня в вагоне не бывает, — строго сказала Светлана, но глаза её смеялись. — Но для гитары сделаем исключение. Проходите, располагайтесь. Купе номер три, нижняя полка.

— Благодарю, — он чуть поклонился и протянул билет.
— Меня Данила зовут. Можно просто Даня.

— Светлана, — она взяла билет, мельком глянула. — Можно Светлана Викторовна. Но для хороших людей — можно и просто Света.

— Значит, я уже в списке хороших? — он обернулся на ходу и подмигнул. — Приятно.

И скрылся в вагоне. Светлана проводила его взглядом и поправила причёску. Интересный экземпляр. Бард? В городе как раз проходил какой-то фестиваль авторской песни, она слышала по радио. Видимо, оттуда и едет. Что ж, рейс обещает быть как минимум музыкальным.

Поезд тронулся. За окнами поплыли пригороды Москвы, потом леса, поля. Светлана, разнося чай, заметила, что Данила сидит в своём купе, положив ногу на ногу, и что-то тихо

наигрывает на гитаре — почти беззвучно, одними пальцами. На столике перед ним лежал раскрытый блокнот с какими-то записями.

— Чай будете? — спросила она, заглядывая.

— Обязательно, — он отложил гитару. — А покрепче ничего нет? Шучу. Чай — это именно то, что нужно после трёх дней фестиваля. Голова гудит.

— Понятно, — Светлана налила ему чай, положила сахар, печенье. — И как фестиваль?

— Волшебно, — он мечтательно улыбнулся. — Три дня музыки, костров, стихов. Я там выступал со своими песнями. Даже приз какой-то дали — «Надежда фестиваля». Но это, конечно, аванс.

— Почему аванс? — она задержалась, облокотившись о дверной косяк.

— Потому что я ещё ничего не добился, — он пожал плечами. — Пою в переходах, играю в маленьких клубах. Но я верю, что когда-нибудь соберу большой зал.

Светлана посмотрела на него с интересом. Он говорил без рисовки, без ложной скромности — просто констатировал факт, но в его голосе звучала такая спокойная уверенность, что она ему поверила. Этот мальчик знал, чего хотел.

— А можно послушать? — спросила она вдруг. — Ну, вашу песню. Если не секрет.

— Не секрет, — он оживился. — Хотите? Давайте вечером. Я как раз хотел новую балладу опробовать. Вы будете

моим первым слушателем.

— Договорились, — Светлана улыбнулась. — Вечером. В моём купе. Там места, правда, маловато, но для одного слушателя и одной гитары хватит.

Она ушла, чувствуя, как внутри разливается приятное предвкушение. Этот Данила ей определённо нравился. Не тем нахальным, самоуверенным шармом, как практикант Кирилл, а чем-то другим — глубиной, что ли. С ним хотелось разговаривать. С ним хотелось молчать. А это, как знала Светлана по опыту, случалось редко.

Вечер наступил быстро. Поезд миновал Рязань (Светлана про себя усмехнулась, вспомнив художника), и за окнами сгустилась темнота. Пассажиры постепенно утомнились. Пенсионеры уснули, командировочные уткнулись в телефоны. В вагоне стало тихо, только перестук колёс да редкие шаги по коридору.

Светлана переоделась: скинула китель, надела лёгкую блузку с открытыми плечами, распустила волосы. Плеснула себе рябиновой настойки, подумала — и достала из заначки бутылку шампанского. Для особого случая. Сегодня, кажется, был именно такой.

Ровно в десять в дверь постучали — негромко, ритмично. — Заходите, Данила, — отозвалась она.

Он вошёл, держа гитару в одной руке, а в другой — две пластиковые кружки. Увидел шампанское и улыбнулся.

— О, вы подготовились.

— А ты думал, проводницы только чаем живы? — она приняла кружки. — Садись на койку. Здесь, конечно, не филармония, но зато уютно.

Он сел, положил гитару на колени. Светлана открыла шампанское — пробка вылетела с хлопком, пена полилась через край. Оба засмеялись, подставляя кружки.

— За знакомство? — предложил он.

— За музыку.

Чокнулись, выпили. Данила отставил кружку, взял гитару и пробежался пальцами по струнам. Инструмент отозвался мягким, глубоким звуком.

— Новая песня, — сказал он. — Ещё без названия. Я написал её на фестивале, у костра. Она про... ну, про случайную встречу. Про то, что иногда один взгляд меняет всё.

— Интригуешь, — Светлана откинулась на подушку, подбрав ноги.

Он заиграл.

Это было неожиданно. Светлана ожидала чего-то обычного — три аккорда, незамысловатый мотив. Но то, что она услышала, заставило её замереть. Мелодия была тихой, переливчатой, словно ручей. Голос Данилы — мягкий баритон с лёгкой хрипотцой — летел над этим ручьём, рассказывая историю.

Он пел о поезде, который мчится сквозь ночь. О случайной встрече в вагоне. О том, как два человека, незнакомых ещё утром, к вечеру становятся друг для друга целым миром.

И припев — простой, но цепляющий: «Стук колёс — наш метроном, ты — мой дом, я — твой вагон...»

Когда он закончил, в купе повисла тишина. Светлана молчала, чувствуя, как к горлу подступил тёплый комок. Она не была сентиментальной — жизнь проводницы отучила её от лишних эмоций. Но сейчас, глядя на этого мальчика с гитарой, она вдруг ощутила что-то давно забытое. Юность? Нет. Скорее — надежду. Ту самую, о которой он пел.

— Ну как? — спросил он тихо, откладывая гитару.

— Честно? — она помолчала. — Это прекрасно, Данила. Правда. У тебя талант. Не «аванс», не «надежда фестиваля», а настоящий талант. Я не критик, но я чувствую.

— Спасибо, — он вдруг смутился, и это было так трогательно, что Светлана улыбнулась.

— Только припев надо переделать. «Ты — мой дом, я — твой вагон» — это, знаешь ли, звучит как объявление по громкой связи: «Уважаемые пассажиры, не забывайте свои вагоны».

Он расхохотался — легко, заливисто. Светлана — тоже. Напряжение, созданное песней, рассеялось, и в купе стало удивительно легко.

— Я подумаю над текстом, — пообещал он, всё ещё смеясь. — Может, действительно: «Ты — мой чай, я — твой стакан»?

— Это уже плагиат, — она погрозила пальцем. — Чай — это моя тема.

Они выпили ещё шампанского. Разговор потёк свободно, перескакивая с темы на тему: он рассказывал о фестивалях, о дорогах, о том, как мечтает объездить всю страну с гастролями. Она — о своей работе, о поездах, о забавных случаях с пассажирами. Оказалось, что он тоже из Волгограда, только живёт там редко — всё в разъездах. Они смеялись, спорили, и с каждой минутой стена «проводница — пассажир» становилась всё тоньше.

В какой-то момент он снова взял гитару и заиграл — тихо, фоном, просто перебирая струны. Светлана смотрела на его пальцы, длинные и чуткие, и думала о том, что эти пальцы могли бы... Она одёрнула себя. Не сейчас. Слишком хорошо. Не хотелось торопиться.

Но он, кажется, думал о том же. Его взгляд, устремлённый на струны, иногда поднимался к ней — и задерживался чуть дольше, чем следовало.

— Свет, — сказал он вдруг, отложив гитару. — Можно тебя так называть? Просто Света. Без «Викторовны».

— Можно, — она кивнула. — А что?

— Я хочу тебя поцеловать. Можно?

Она посмотрела на него — на его открытое лицо, на чуть взлохмаченные волосы, на серьёзные, без тени игры глаза. И вдруг поняла, что с этим мальчиком всё по-другому. Не как с художником, не как с практикантом. С ним — всерьёз.

— Можно, — сказала она тихо.

Он наклонился и поцеловал её — мягко, бережно, словно

боясь спугнуть. Его губы пахли шампанским и чем-то ещё — чем-то тёплым, как летний вечер. Светлана ответила на поцелуй, но не стала торопиться. Она запустила руку в его волосы, освободила их от шнурка, и они рассыпались по плечам мягкой волной. Так они и сидели — целуясь медленно, неспешно, словно у них была целая вечность, а не только эта ночь в поезде.

— Можно я поставлю запись? — прошептал он, оторвавшись.

— Какую запись?

— Я записал эту балладу на диктофон. С гитарой, без голоса. Хочу, чтобы фоном звучала. Ладно?

— Ставь, — она улыбнулась.

Он достал телефон, нажал несколько кнопок, и из динамика полилась та самая мелодия — тихая, переливчатая, как ручей. Светлана узнала её и почувствовала, как внутри что-то тает.

— Ты романтик, — сказала она.

— А ты — самая красивая проводница на этой железной дороге, — ответил он. — Я это понял ещё на перроне.

— Подхалим.

— Искренний подхалим.

Он снова поцеловал её, и на этот раз поцелуй был глубже, требовательнее. Его руки скользнули по её плечам, спустились к талии. Светлана вздохнула и подалась к нему, позволяя блузке соскользнуть с плеч.

Они не торопились. В этом была особая прелесть: никто не дёргал, не было риска, что войдёт начальник поезда или проснётся пассажир. Только стук колёс, только гитарный перебор, только их дыхание.

Данила целовал её плечи, шею, спускался ниже. Его губы были тёплыми, как нагретая солнцем ткань. Светлана прикрыла глаза и отдалась ощущениям. Каждое его прикосновение было продуманным, но не наигранным — он действительно хотел доставить ей удовольствие. И у него получалось.

— Какая ты красивая, — прошептал он, когда она осталась обнажённой. — Честное слово. Как с картинки.

— С какой картинки? — она усмехнулась. — С рубенсовских, что ли?

— С картинки из моего воображения, — он провёл пальцами по её бёдрам. — Я ещё в купе, когда ты чай принесла, подумал: вот бы нарисовать такую женщину. Но я не умею рисовать. Только петь.

— Ну так спой, — она притянула его к себе. — Только тихо. Чтобы пассажиры не проснулись.

Он засмеялся и вошёл в неё — медленно, осторожно, словно продолжая мелодию. Светлана застонала, но негромко, в такт гитарному перебору. Их тела двигались в унисон, и поезд, казалось, подыгрывал им: тук-тук, тук-тук — как метроном, как сердцебиение.

Этот секс был не похож на предыдущие. Ни на быст-

рый, жаркий перепихон с художником, ни на властный урок с практикантом. Это был секс-разговор. Секс-путешествие. Медленное, чувственное, с долгими паузами, во время которых они просто смотрели друг на друга и улыбались.

— Тебе хорошо? — спрашивал он.

— Очень, — отвечала она. — А тебе?

— Я вообще на седьмом небе. Если бы у меня сейчас были крылья, я бы улетел.

— Только не улетай, — она обхватила его ногами. — А то билета нет, придётся штраф платить.

Он тихо рассмеялся ей в плечо и ускорил ритм. Светлана почувствовала, как волна удовольствия поднимается внутри — плавно, неотвратно. Она застонала громче, уже не сдерживаясь, и Данила прижал палец к её губам — не чтобы заставить молчать, а просто как жест близости.

— Давай вместе, — прошептал он.

И они кончили вместе — одновременно, слаженно, словно репетировали это годами. Оргазм был мягким, обволакивающим, как тёплая волна. Светлана выгнулась дугой и замерла, чувствуя, как внутри разливается истома. Данила уткнулся лицом в её плечо, тяжело дыша.

Запись закончилась. В купе стало тихо, только стучали колёса. Светлана гладила его по спине и думала о том, что этот рейс — особенный. Не просто приключение. Что-то большее.

— Знаешь, — сказал он, когда дыхание выровнялось, —

я ведь не просто так к тебе пришёл. Ну, не только за этим.

— А за чем ещё? — она повернула голову.

— Ты... с тобой легко. По-настоящему. Я за эти три дня на фестивале столько людей повидал — и все что-то из себя строят. А ты — настоящая. Смеёшься, когда смешно. Говоришь, что думаешь. И чай у тебя вкусный.

— Это потому, что я завариваю его с душой, — улыбнулась она.

— Я хочу ещё тебя увидеть, — сказал он. — Когда рейс закончится. Можно? Я в Волгограде буду через неделю, у меня там концерт в маленьком клубе. Приходи. Я для тебя спою. Со сцены.

Светлана задумалась. Обычно она не давала обещаний. Её жизнь — это колёса, рейсы, случайные встречи. Но сейчас...

— Приду, — сказала она. — Если ты пообещаешь переделать припев.

— Обещаю, — он поцеловал её в нос. — Будет новый припев. Специально для тебя.

Они лежали, обнявшись, и говорили о пустяках. О любимых песнях, о городах, в которых он бывал, о том, как она когда-то мечтала стать стюардессой, но не прошла по росту. Он смеялся, она — тоже. И под этот смех, под стук колёс, они незаметно уснули.

Утром Данила сошёл на станции за Волгоградом — ему нужно было куда-то в область, к друзьям. На прощание он оставил ей свой телефон, записанный на клочке бумаги, и

поцеловал — уже при всех, не стесняясь.

— До встречи, Света, — сказал он, подхватывая гитару.
— Я буду ждать.

— Я приду, — пообещала она. — Смотри, не забудь новый припев.

Он помахал ей с платформы и зашагал прочь — высокая фигура с гитарным чехлом за спиной. Светлана смотрела ему вслед, пока поезд не тронулся, и улыбалась.

В купе у неё осталась пустая бутылка из-под шампанского и его бумажка с номером. Она аккуратно сложила её и убрала в карман кителя.

Рейс заканчивался. Впереди был Волгоград, потом снова Москва, новые пассажиры, новые истории. Но этот — этот останется в памяти. Как тихая баллада под стук колёс. Как обещание новой встречи.

Светлана поправила китель и пошла разносить утренний чай. Жизнь продолжалась. И она была прекрасна.

Глава 4. Контролёр-ревизор

После рейса с Даниилой Светлана вернулась в Москву в приподнятом настроении. Она даже напевала себе под нос ту самую балладу — правда, без слов, потому что слова всё время путала, — и поймала себя на том, что улыбается без причины. «Светка, ты влюбилась, что ли?» — спросила она своё отражение в зеркальце, но отражение только подмигнуло в ответ и не сказало ни «да», ни «нет».

До концерта Данилы оставалась ещё неделя, а пока нужно

было работать. Новый рейс Москва–Волгоград, новый вагон, новые пассажиры. Светлана заступила на смену, как обычно, за час до отправления: проверила бельё, протёрла поручни, заварила первую порцию чая в титане. Всё шло своим чередом. Пассажиры загружались, она проверяла билеты, и ничто не предвещало беды.

Бедя пришла в образе молодого человека в строгом тёмно-синем костюме, с портфелем в одной руке и удостоверением в другой. Он возник на перроне, словно из-под земли, — подтянутый, гладко выбритый, с аккуратным пробором в тёмных волосах и выражением лица, которое Светлана определила как «я тут главный, даже если никто об этом не знает».

— Здравствуйте, — произнёс он сухо, остановившись у входа в вагон. — Ревизор департамента контроля качества пассажирских перевозок Аркадий Снегирёв. Вот моё удостоверение. Прошу подготовить документацию к проверке.

Светлана глянула на удостоверение. Фотография была строгая, как и её обладатель. Аркадий Снегирёв, двадцать три года. «Двадцать три, — мысленно хмыкнула она. — Ещё молоко на губах не обсохло, а уже ревизор». Вслух она, разумеется, этого не сказала, а только кивнула с профессиональной вежливостью:

— Здравствуйте, Аркадий... простите, как вас по батюшке?

— Можно просто Аркадий Сергеевич, — отчеканил он.

— Проверка внеплановая. Надеюсь, у вас всё в порядке.

— У меня всегда всё в порядке, — Светлана улыбнулась самой обворожительной улыбкой, но на ревизора она не произвела ни малейшего впечатления. Он уже шагнул в тамбур и деловито оглядывался по сторонам.

Проверка началась незамедлительно. Аркадий Сергеевич оказался дотошным до занудства. Он проверил температуру воды в титане (градусник для этого носил свой, в портфеле), пересчитал комплекты белья, сверил номера пломб на аварийных выходах и даже зачем-то заглянул под коврики в коридоре — «проверяю соблюдение санитарных норм». Светлана ходила за ним хвостом и чувствовала, как внутри закипает раздражение.

— Вот здесь, — он указал на угол потолка в туалете, — паутина. Статья сорок два дробь семь правил внутреннего распорядка. За это полагается выговор.

— Паутина? — Светлана прищурилась. — Аркадий Сергеевич, это не паутина, это волокно от ткани. Поезд старый, обшивка сыплется.

— Я настаиваю на паутине, — отрезал он и сделал пометку в блокноте. — Далее: у вас не хватает двух чайных ложек в инвентаре. Где ложки?

— Ложки? — она развела руками. — Пассажиры уносят. Это обычное дело. У меня на каждой станции ложки пропадают, я их потом из дома приношу.

— Обычное дело — не оправдание. Ложки должны быть

в наличии. Запишем.

Светлана сделала глубокий вдох. «Спокойно, Света, — сказала она себе. — Это просто мальчишка, который дорвался до власти. С такими надо по-другому».

Она сменила тактику. Улыбка стала мягче, взгляд — теплее. Когда Аркадий Сергеевич в очередной раз уткнулся в свой блокнот, она как бы невзначай поправила воротничок кителя, чуть расстегнув верхнюю пуговицу.

— Аркадий Сергеевич, — проворковала она, — может, чайку? С дороги устали, наверное. У меня и пирожки есть, домашние, с капустой.

— Я на службе, — отрезал он, но взгляд его на мгновение метнулся к вырезу её блузки и тут же отскочил. Светлана заметила это и мысленно усмехнулась. Ага, клюнул.

— Какая служба, — вздохнула она. — Поезд уже тронулся, до следующей станции час. Успеете и чаю попить, и проверку закончить. Не будьте таким строгим.

Она налила чай, поставила на поднос, добавила пирожок. Аркадий Сергеевич колебался, но запах сдобы сделал своё дело. Он взял стакан, отхлебнул — и на мгновение его лицо утратило выражение служебной неприступности.

— Чай хороший, — признал он нехотя.

— Сама завариваю, — Светлана присела на край койки в служебном купе, куда они переместились для проверки путевого листа. — Три ложки заварки, две минуты настаивать, и главное — с душой. Без души чай — просто вода.

Ревизор кивнул, не поднимая глаз. Он сидел на единственном стуле, а она — на койке, и расстояние между ними было минимальным. Светлана видела, как он напряжён, как старается не смотреть на неё, как его пальцы, держащие ручку, чуть подрагивают.

— Аркадий Сергеевич, — сказала она вдруг доверительным тоном, — а можно вам вопрос личного характера?

— Задавайте, — он поднял глаза и тут же пожалел об этом: Светлана смотрела на него в упор, чуть склонив голову набок.

— Вам сколько лет?

— Двадцать три, — ответил он, чуть замявшись.

— А ревизором вы давно?

— Полгода. После института сразу взяли. У меня красный диплом.

— Красный диплом — это прекрасно, — она улыбнулась.

— А жизнь-то вы видели? Кроме поездов и инструкций?

Он нахмурился, не понимая, к чему она клонит. Светлана подалась вперёд, сократив расстояние между ними до минимума. От неё пахло духами «Красная Москва» и свежей выпечкой. Аркадий Сергеевич судорожно сглотнул.

— Вы очень стараетесь выглядеть строгим, — продолжала она тихо, почти шёпотом. — Но я же вижу: вы не такой. Вы хороший мальчик, просто вам сказали, что надо быть жёстким. А на самом деле вам хочется, чтобы вас любили. Не как ревизора, а просто так. Правда?

— Я... — он открыл рот, но не нашёлся, что сказать.

Светлана взяла у него из рук блокнот и отложила в сторону. Потом — ручку. Потом взяла его ладонь и положила себе на колено. Аркадий Сергеевич вздрогнул, но руку не отёрнул.

— Хватит проверок, — сказала она. — Давайте лучше познакомимся поближе. Без протоколов.

— Это... это нарушение, — пролепетал он, но в его голосе не было ни капли уверенности.

— Нарушение — это когда плохо. А когда хорошо — это не нарушение. Это жизнь.

Она наклонилась и поцеловала его. Аркадий Сергеевич замер на секунду, а потом — о чудо! — ответил на поцелуй. Робко, неумело, но ответил. Его руки, только что судорожно сжимавшие портфель, теперь легли на её плечи.

Дальнейшее происходило быстро, но без спешки. Светлана знала: с такими мальчиками главное — не напугать. Она помогла ему снять пиджак, потом галстук. Под строгим костюмом у него оказалось поджарое, тренированное тело — видимо, спортом занимался. «А ты полон сюрпризов, ревизор», — подумала она, расстёгивая его рубашку.

— Вы... вы точно не подставите меня? — прошептал он, когда она уже лежала под ним на койке. — Это не проверка?

— Какая уж тут проверка, — усмехнулась Светлана, притягивая его ближе. — Расслабься, Аркаша. Можно я буду звать тебя Аркаша?

— Можно, — выдохнул он и вошёл в неё — осторожно, почти благоговейно.

Секс с ревизором оказался на удивление милым и неуклюжим. Он явно не привык к таким ситуациям — то и дело сбивался с ритма, извинялся, спрашивал, хорошо ли ей. Светлана только посмеивалась и гладила его по голове. «Хорошо, Аркаша, всё хорошо. Не торопись. Ты же не поезд, чтобы по расписанию».

Кончил он быстро, но с таким пылом, что Светлана чуть не заплодировала. Сама она получила удовольствие скорее от процесса, чем от результата, но это было неважно. Главное — ревизор был обезврежен.

Потом, когда он, красный и взъерошенный, застёгивал рубашку, Светлана как бы между прочим пододвинула к нему путевой лист и ведомость.

— Аркаша, — сказала она ласково, — ты не мог бы подписать? А то я все пункты выполнила, честное слово. И паутину уберу, и ложки найду.

Он посмотрел на неё, потом на документы. Потом вздохнул, взял ручку и, не читая, поставил подпись. Росчерк вышел особенно витиеватым — видимо, от переполнявших его чувств.

— Я... я, пожалуй, пойду, — пробормотал он, пятясь к двери. — Проверка окончена.

— Заходите ещё, Аркадий Сергеевич, — пропела Светлана, поправляя причёску. — Всегда рада.

Когда за ним закрылась дверь, она откинулась на подушку и рассмеялась. Нет, это надо же: ревизор! С красным дипломом! И паутину нашёл! Она смеялась до слёз, а поезд мчался сквозь ночь, унося её прочь от Москвы, и где-то впереди был Волгоград, где через неделю её ждал концерт и мальчик с гитарой. А пока — ревизоры, художники, практиканты. Скучно не будет. Скучно не будет никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.